
18+
ИЗМЕНА. НЕ БУДИ
ВО МНЕ СТРАТЕГА, МОЙ ГЕНЕРАЛ!
Рита Вяземская
Команды сдаваться не было!
Со мной просто не будет!
Кто не справился, тот не генерал!
БЕРЕГИТЕ НЕРВНЫЕ КЛЕТКИ!
романтическая комедия

Рита Вяземская

Измена. Не буди во мне стратега, мой генерал!

«Издательские решения»

Вяземская Р.

Измена. Не буди во мне стратега, мой генерал! / Р. Вяземская — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

— Твоего генерала вчера пытались умыкнуть прямо средь бела дня. Моя нижняя челюсть непроизвольно съезжает вниз, и мне требуется несколько секунд, чтобы проглотить застрявший в горле ком. — Жанна, для дурацких розыгрышей выбери кого-нибудь с менее расшатанной нервной системой, — выговариваю я нарочито ровным тоном, надеясь поймать в ее взгляде озорной смешок. Но в широко распахнутых глазах Жанны плещется сострадание, с каким смотрят на родственников безнадежно больных в реанимации.

© Вяземская Р.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 9
Конец ознакомительного фрагмента. 10

Измена. Не буди во мне стратега, мой генерал!

Рита Вяземская

© Рита Вяземская, 2026

ISBN 978-5-0071-7849-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

— Твоего генерала вчера пытались умыкнуть прямо средь бела дня.

Моя десертная ложка замирает в воздухе, так и не донеся взбитую карамельную пенку рафа до губ. Нижняя челюсть непроизвольно съезжает вниз, и мне требуется несколько секунд, чтобы проглотить застрявший в горле ком.

— Жанна, для дурацких розыгрышей выбери кого-нибудь с менее расшатанной нервной системой, — выговариваю я нарочито ровным тоном, надеясь поймать в ее взгляде озорной смешок.

Но в широко распахнутых глазах Жанны нет ни тени шутовства. В них плещется приторно-сладкое, липкое сострадание — то самое, с каким смотрят на родственников безнадежно больных в реанимации.

— Поверь, Соня, мне самой неловко это вываливать, но я собственными глазами видела Родиона вчера у Центрального пассажа. И рядом с ним крутилась такая породистая хищница! — Жанна театрально закатывает подведенные веки. — Грива до лопаток — блестит, как шелк. Талия — осиная, бедра — точеные, спортивный костюм явно из новой коллекции. И заглядывает ему в лицо с такой жаждой, будто перед ней единственный источник воды в пустыне!

Я аккуратно ставлю чашку на блюдце. Фарфор тихо звенит. Еще секунду назад сладкий кофе радовал рецепторы, а теперь кажется горьким, как неразведенный корвалол.

— И что дальше? Мой муж — должностное лицо, к нему ежедневно обращаются десятки людей с разными выражениями лиц.

— Да брось ты! — Жанна подается вперед через полированную столешницу, понижая голос до заговорщического шепота. — Мужчины в погонах — добыча статусная. А ты после вторых родов совсем… как бы мягче сказать, растворилась в памперсах и кашах. Форму потеряла, Сонечка. Скоро лето, пляжный сезон, а ты в бесформенных туниках прячешься.

— Я не прячусь, а одеваюсь удобно, — обрываю ее с нажимом, чувствуя, как под воротником водолазки разгорается пламя. — И Родиону всегда нравились нормальные женские пропорции. Он женился не на анатомическом пособии.

Жанна снисходительно поджимает губы. Ее собственный супруг, мелкий чиновник из префектуры, регулярно морит ее безуглеводными диетами и гоняет на беговую дорожку за каждый лишний килограмм. Мои пышные бедра и мягкий животик всегда действовали на нее как красная тряпка.

Но вслух я не стану исповедоваться.

Не признаюсь Жанне, что мой запас прочности истощен до предела. Что за последние семь месяцев я ни разу не спала дольше трех часов подряд.

Крошечная Тая категорически отказывается признавать кровать по ночам, а четырехлетний Миша таскает из детского сада бесконечные ларингиты.

И вся наша некогда бурная, почти свирепая страсть превратилась в сухой санитарный минимум: короткие свидания под одеялом без лишнего шума раз в десять дней, с настроенными как локаторы ушами, чтобы вовремя среагировать на детский писк или топот босых ножек в коридоре.

Я твердила себе, что это временно, что придет пора, лактация сойдет на нет, дочка начнет спать всю ночь, я запишусь на массажи, тренировки и наконец выберу кружевное белье… Но вот только сомнение уже пустило метастазы. Холодная, скользкая мысль впилась в затылок: «А что если Родион просто устал ждать?»

— Ты точно уверена, что это был Валдаев? — спрашиваю, хотя отлично знаю: офицерскую стать Родиона Александровича, его разворот плеч и чеканный шаг не спутаешь ни с кем даже в густой толпе.

— Обижаешь! Генеральские лампасы и эту гранитную челюсть я из тысячи узнаю, — фыркает Жанна.

— Понятно.

Я поднимаюсь из-за стола, натягивая пальто.

— Сонечка, только без истерик! — торопливо напутствует она мне в спину. — Мудрая женщина берет паузу, взвешивает риски и молча садится на кетодиету.

— Я заведую отделением неотложной терапии, Жанна. Моя работа — купировать кризисы и ставить верные диагнозы. Глупости в мой протокол не входят.

Но глупости уже вскипают внутри, бурлят, как гремучая смесь в пробирке. Домой я добираюсь как раз вовремя: за полчаса успеваю уложить Мишу собирать железную дорогу, покормить дочь и выставить на плиту тяжелую кастрюлю с супом.

Тяжелый щелчок дверного замка извещает о прибытии хозяина. Родион входит в прихожую — высокий, строгий, пропахший весенним ветром и казенными кабинетами.

Я не устраиваю допросов. Молча наполняю его тарелку густым борщом с говяжьей грудинкой, ставлю рядом чесночные гренки, тонко нарезанную буженину и запеченный картофель.

— День прошел спокойно? — роняю дежурный вопрос, присаживаясь напротив.

— Сплошная суматоха, — глухо бросает он.

Ложка в его пальцах вздрагивает, по белоснежной скатерти рассыпаются алые капли бульона, и Родион негромко чертыхается сквозь зубы. Тут же встает из-за стола, расстегивает китель и уходит в ванную замыть пятно.

В эту самую секунду его рабочий смартфон на краю стола негромко вибрирует. Экран вспыхивает. Я не собиралась шпионить, глаза сами цепляются за уведомление из мессенджера:

Контакт: Стелла

Текст сообщения: *«Наш сегодняшний сюрприз в силе? Всё готово к вечеру?»*

Дыхание перехватывает, ложка с капустой застревает поперек горла. Какой к черту сюрприз? Пальцы сами тянутся к сенсору, я успеваю разглядеть миниатюрную аватарку: безупречный пресс, бронзовый загар, открытые плечи, копна струящихся темных волос и вызывающая спортивная грация. Та самая. Пассаж. Вчерашний день. Точеные бедра… Значит, Жанна не солгала, не преувеличила от зависти.

В кухню возвращается Родион, на ходу застегивая свежую рубашку. Бросает взгляд на экран, хмурится, быстро смахивает уведомление и убирает телефон в глубокий карман брюк.

Я собираю всю свою выдержку в кулак, натягивая на лицо маску спокойной, ничего не замечающей домашней клуши:

— Что-то срочное по службе? — мой голос звучит безупречно ровно, почти сонно.

— Текущие вопросы ведомства, — отрубает генерал, снова берясь за ложку. — Давай обедать.

«Текущие вопросы ведомства… Вот как это теперь классифицируется».

— Аппетит пропал, — бросаю я, поднимаясь из-за стола. Подхожу к распахнутой створке холодильника, чтобы ледяной воздух хоть немного остудил пылающие щеки.

— Соня, с тобой всё в порядке? — доносится со спины его низкий бас. — Просто ты в последнее время сам не свой: замкнутый, дерганый… Что-то случилось?

— Обычная нагрузка перед коллегией, ничего нового.

Окончив трапезу, генерал сухо целует меня в висок и запирается в кабинете с папками. А я остаюсь у кухонного окна, смотрю на свинцовое первоапрельское небо, затянутое сырой мартовской мутью.

«Наш сегодняшний сюрприз в силе?»

Сюрприз…

Значит, у генерал-майора Валдаева на сегодня запланирован праздничный раут с фитнес-моделью. Удавка ревности сжимает легкие железными кольцами.

Я вновь перебираю в памяти наши последние месяцы: его редкие, короткие прикосновения; то, как он перестал замечать мою свежую стрижку или новый запах духов…

Да, я сама пряталась за усталостью, жаловалась на мигрень, на ноющие плечи, на нестерпимое желание просто упасть лицом в подушку, и он не настаивал, безропотно уходил спать на диван в кабинет, щадя мой покой.

Мне наивно казалось, что это благородство, что он понимает, через какую физическую мясорубку проходит женщина, вскармливающая его детей.

А мой непобедимый генерал просто сдался перед бытом и нашел себе безупречную замену — ту, у которой нет растяжек на бедрах, хронического недосыпа и темных кругов под глазами.

— Нет уж, господин генерал, — шепчу я своему бледному отражению в оконном стекле. — По сценарию этой драмы ты сегодня не сыграешь.

Сюрприз состоится, но режиссировать его буду я.

Ты решил, что первоапрельский день создан для тайных маневров за моей спиной?

Что ж, готовься держать оборону…

Глава 2

Детский тихий час в нашем доме имеет статус комендантского: режим строгой тишины, шаг вправо, шаг влево — и последствия следуют незамедлительно. Миша наконец-то уснул в обнимку с любимым гусеничным трактором, Тая после сытного кормления безмятежно сопит в кроватке, и я на цыпочках, крадучись, пробираюсь в ванную комнату. Защёлкиваю замок с ювелирной осторожностью. Мое персональное убежище. Мои сорок минут законной реабилитации.

Поворачиваю латунный смеситель. Плотная струя воды с шумом ударяет в эмаль, взбивая душистую лавандовую пену в густые жемчужные сугробы. На полочке над зеркалом нахожу тяжелую гравированную свечу — ту самую, что мы зажигали с Родионом на пятилетие свадьбы. Тогда мы загадали дожить вместе до глубоких седин и сожгли её ровно до середины. Оплавленный парафиновый огарок стоял здесь немым укором нашему затянувшемуся молчанию.

Чиркаю спичкой.

Опускаюсь в воду. Обжигающее тепло мгновенно охватывает кожу, заставляя зажмуриться. Именно этот резкий температурный шок мне и нужен — чтобы смыть приторное сочувствие Жанны и разъедающую горечь предательства.

Упираюсь взглядом в белые панели потолка, где дрожит размытый водяной силуэт, и отдаю себе жёсткую команду: «Врач Валдаева, соберись. Прекрати сопли. Включай критическое мышление, собирай данные».

Итак, что мы имеем: пациентка Софья, тридцать два года.

Жалобы: острая давящая боль в грудной области, невроз, потеря аппетита, фантомная тахикардия на фоне эмоционального потрясения.

Предварительный диагноз: острая семейная недостаточность с подозрением на супружескую неверность со стороны субъекта в погонах.

Объективные улики: показания свидетеля Жанны, входящее текстовое сообщение от фитнес-богини Стеллы, хроническая скрытность генерала.

Протокол лечения.

Вариант первый — консервативная терапия в виде традиционного русского бунта. Дождаться вечера, перевернуть сервировочный стол, перебить австрийский фарфор, залить слезами коридор и на ультразвуке выкрикнуть в лицо генералу: «Ты сломал мне жизнь, подонок!»

Я кривлю губы. Перед глазами тут же встает невозмутимый Родион: стоит, скрестив руки на груди, кадык не дрогнет, взгляд ледяной и снисходительный — так прокурор смотрит на сорвавшегося подследственного, потерявшего последние аргументы. Он просто вызовет мне невролога и закроет вопрос протокольной сухостью.

Нет. Скандал — оружие слабых. Истерика в медицине — не лечение, а опасный симптом декомпенсации. Я слишком дорожу своим достоинством, чтобы превращаться в кликушу.

Вариант второй — хирургическое вмешательство с летальным исходом для брака.

Сделать каменное лицо, включить скрытую слежку, взломать облачное хранилище его смартфона, нанять частное сыскное бюро, добыть пачку фотокарточек из отелей, швырнуть их на стол военного трибунала и потребовать безоговорочный развод, раздел элитных квадратных метров и максимальные алименты.

Воображение услужливо рисует перспективу: я, взмыленная мать-одиночка, тащу на себе двоих матереющих карапузов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.